

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.22

*Е. А. Костина***ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ БЕНГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА
КАК СРЕДСТВО ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА О. БИШШАШ
«ОДНАЖДЫ, КОГДА-НИБУДЬ»)¹**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье делается попытка описания особенностей анафорического употребления лично-указательных местоимений бенгальского языка на материале одного рассказа современной писательницы О. Бишшаш. Для достижения поставленной цели приводится краткое грамматическое описание лично-указательных местоимений (*e, o, se, tā*) и рассматриваются проблемы их классификации, производится анализ специфики употребления каждого из местоимений, а также выявляются потенциальные и реальные референциальные конфликты (и пути их решения), возникновение которых обусловлено этой спецификой. Библиогр. 16 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: обеспечение связности текста, повторная номинация, местоименная анафора, референциальный конфликт, бенгальский язык, местоимения.

**PERSONAL-DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN BENGALI
AS UNITS OF SECONDARY NOMINATION
(EVIDENCE FROM THE STORY “ONE DAY, SOME DAY” BY A. BIŠBĀS)***E. A. Kostina*

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article attempts to describe some features of the anaphoric use of personal-demonstrative pronouns in the Bengali language on the basis of a short story written by a contemporary Bengali writer A. Bišbās. To achieve this goal, a brief description of the grammatical categories of the demonstrative pronouns (*e, o, se, tā*) is presented, followed by the analysis of problems of their classification, specific features of their use, and some potential and actual referential conflicts (and their solutions) arising from this specificity. The results of the study identify the directions and scope for further research in the field means of ensuring the integrity and coherence of the Oriental text. Refs 16. Table 1.

Keywords: ensuring the integrity and coherence of the text, secondary nomination, pronominal anaphora, referential conflict, Bengali, pronouns.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 2.38.295.2014.

Предварительные замечания

Выявление и описание различных средств повторной номинации, в том числе местоименной анафоры, стало в последние десятилетия одним из важных направлений лингвистических исследований, привлекающих материалы самых разных языков. Основные затрагиваемые в таких трудах вопросы — это соотношение указательной и анафорической составляющих значения местоимений (и вопрос о первичности одной из них), а также определение позиции указательных местоимений в иерархии средств повторной номинации². Обычно анафорическое употребление личных и указательных местоимений анализируется по отдельности, однако в ряде языков, к которым относится и бенгальский, роль личных местоимений третьего лица играют указательные местоимения-существительные. Несмотря на существование исследований, посвященных анафорическим явлениям в языках Южной Азии [2], вопрос о том, каковы различия в анафорических функциях бенгальских указательных местоимений и какие факторы оказывают влияние на выбор одного из них при употреблении в тексте, полноценного освещения не получил. В данной статье сделана попытка провести первичный анализ одной из разновидностей местоименной анафоры в современном бенгальском языке: использования местоимений-существительных *e*, *o*, *se* и *tā*.

Материалом для анализа послужил один сравнительно небольшой по объему (около 6 тысяч слогов) рассказ современной западнобенгальской писательницы Охоны Бишшаш (*Ahanā Biśbāś*) «Однажды, когда-нибудь» (*ekdin, konodin*) [3], представляющий собой событийный нарратив с незначительным количеством диалогов. Сюжет произведения строится вокруг несостоявшейся поездки главной героини — успешной бизнес-леди по имени Притха — в места, где прошло ее детство. Неожиданная встреча на вокзале приводит к значительным изменениям в мировоззрении героини и переосмыслению жизненных приоритетов. Повествовательный характер выбранного произведения, а также значительное количество фрагментов, содержащих воспоминания героини и ее мысленную интерпретацию происходящих событий, обусловили широкое распространение в тексте анафорических конструкций, в том числе содержащих рассматриваемые местоимения.

Выводы, сделанные на основе одного рассказа, безусловно, не могут и не должны распространяться на весь корпус бенгальских текстов, однако они позволят задать некоторые направления для дальнейших изысканий. Выбор на начальном этапе изучения вопроса столь узкого текстового пространства имеет и свои преимущества: благодаря этому можно избежать противопоставлений, вызванных не законами языка, а частными предпочтениями различных авторов³.

Все бенгальские примеры приводятся в латинской транслитерации, однако редуцированный слоговой *a* не восстанавливается в тех случаях, где он не произносится в соответствии с правилами фонетики бенгальского языка [4, p. 18]. В связи

² Наиболее широкий спектр привлекаемого языкового материала и затрагиваемых вопросов можно обнаружить в сборнике статей под редакцией Б. А. Фокс [1].

³ В бенгальской художественной литературе нередко наблюдается преднамеренное использование грамматических форм (в том числе с отклонениями от нормативной грамматики) для создания определенного стилистического эффекта или с целью подчеркнуть принадлежность героя к той или иной региональной, профессиональной или социальной группе.

с отсутствием в бенгальской графике понятий заглавной и строчной букв, а также использованием в ряде латинских транслитераций заглавных букв для обозначения ретрофлексных звуков, во избежание недоразумений все слова в примерах (в том числе, имена собственные) начинаются со строчной буквы. Анализируемые местоимения в примерах разбиты на сегментные морфемы⁴; в скобках приводятся краткие морфологические характеристики.

Местоимения *e, o, se, tā*. Морфологическая характеристика, значения и проблемы классификации

В бенгальском языке существует четыре «базовых» местоимения с дейктическим значением: местоимение ближнего плана *e*, дальнего плана *o*, а также нейтральные *se* и *tā*⁵. В грамматиках бенгальского языка часто отмечается, что местоимение *se* указывает на лицо или предмет, упомянутый ранее или находящийся вне поля зрения говорящего [5, с. 50]. В разделе «Бенгальский язык» коллективной монографии «Языки Мира. Новые индоарийские языки» местоимение *e* соотносится с ближним планом, *o* названо местоимением среднего плана, а *se* — местоимением дальнего плана [6, с. 410, 414]. Вероятно, авторы раздела судят о большей удаленности предмета, обозначенного местоимением *se*, на основании замечания о его употреблении в случае отсутствия в поле зрения говорящего. Однако можно заметить, что противопоставление *se* и *o*, имевшее место в классическом бенгальском языке, на данном этапе практически нейтрализовано, и для указания на удаленный предмет (вне зависимости от его попадания в поле зрения) можно использовать местоимение *o* [7, р. 53]. Местоимение *tā* по значению соответствует местоимению *se*, но не может указывать на лица. Три из перечисленных местоимений (кроме *tā*) могут выступать как местоимения-прилагательные или как местоимения-существительные. Во втором случае, помимо выполнения изначального предназначения, т. е. передачи дейктического значения, они приобретают способность функционировать как личные местоимения третьего лица. В самостоятельном употреблении эти местоимения склоняются: имеют формы четырех падежей⁶, а также единственного и множественного числа. Для местоимений оказывается релевантной и именная категория *личности*, или *персональности*, референта: от ее реализации зависит присоединяемый к местоимению показатель множественного числа (*-gulo/-guli* для неодушевленных, *-rā* [NOM] и *-der-* [OBL] для одушевленных). Существуют также формы повышенной субординации этих местоимений *<-e*), *uni* (*<-o*) и *tini* (*<-se*), которые могут интерпретироваться и как самостоятельные лексемы. Поскольку в рассматриваемом рассказе встречается только одно местоимение в такой форме, подробный анализ их употребления проводиться не будет. Указательные местоимения нейтральной субординации могут модифицироваться показателями определенности *-ṭi* и *-tā*, а также

⁴ Также от местоимений отделены дискурсивные слова-энклитики *i* «именно» и *o* «тоже, даже».

⁵ В данной статье рассматриваются только формы так называемого *чолти* (*чолит*) *бхаши*, поскольку именно этот стиль языка используется в анализируемом рассказе.

⁶ Так называемые притяжательные местоимения бенгальского языка (*er, or, tār* и их «вежливые» варианты *ēr, ōr, tār*) рассматриваются здесь не как отдельный разряд, а как падежная форма исходя из общности образования (та же основа, что и при присоединении других падежных показателей, и тот же показатель, который используется в формах родительного падежа имен существительных).

оформляться усилительной частицей *i*. В ряде исследований такие модифицированные местоимения считаются отдельными лексемами [8, p. 129; 9, p. 52–53]. Указательные местоимения-существительные, как и другие имена бенгальского языка, не имеют категории рода⁷.

От базовых указательных местоимений образуется значительное количество производных местоимений-наречий и местоимений-прилагательных, таких как *ekhan, okhan, takhan, sekhan* (местоимения-наречия времени); *ekhāne, okhāne, sekhāne* (местоимения-наречия места); *etan, aman, teman* (местоимения-прилагательные) и т.п. Эти местоимения остались за пределами рассмотрения данной статьи, поскольку они не могут использоваться как личные. По той же причине не будут рассматриваться случаи адъективного употребления описанных выше местоимений.

Вопрос о принадлежности местоимений *se, e* и *o* к разряду личных или указательных не получил в работах по грамматике бенгальского языка однозначного решения. Если оставить за пределами рассмотрения классификации, относящие к разным разрядам местоимения «чистые» и снабженные показателями определенности или усилительной частицей, то обобщить существующие теории можно следующим образом:

1) все три местоимения являются и личными, и указательными [11, p. 123, 125; 7, p. 167, 169];

2) к числу личных местоимений относится только *se*; к числу указательных — *se, e* и *o* [5, с. 50; 12, p. 26–27, 30–31; 13, p. 367–368⁸];

3) к числу личных местоимений относится только *se*; *e* и *o* — указательные местоимения [14, p. 105];

4) личных местоимений третьего лица в бенгальском языке не существует, эта позиция заполнена указательными местоимениями *e* и *o*; местоимение *se* относится к разряду соотносительных [15, с. 155, 164, 168–169].

К сожалению, сторонники первых двух теорий не поясняют, что приводит к заполнению двух разрядов одинаковыми местоимениями: омонимия, полисемия или случаи частного употребления? По каким критериям следует определять, к какому разряду отнести то или иное местоимение в каждой конкретной ситуации? Третья гипотеза, появление которой было вызвано, скорее всего, стремлением исключить попадание одного местоимения в разные разряды, игнорирует сохранение дейктического значения за местоимением *se*, особенно в адъективном употреблении, которое, к слову, оказалось бы невозможным, если бы это местоимение могло выступать только как личное: *amit se amit nei. kintu prthā ki se-i* [SG. NOM-именно] *prthā āche?* [3, p. 94] — «Омит — уже не тот Омит. Но и Притха разве та самая Притха?» Также при таком подходе оказывается необъясненным очевидный отход от непосредственной указательности в ряде употреблений *e* и *o*. В связи с этим любопытен перевод примеров употребления указательных местоимений на английский язык в рабо-

⁷ С. Ш. Тунга отмечает противопоставление местоимений по категории рода в качарском и читтагонгском диалектах бенгальского языка [10, p. 185], однако в классическом бенгальском это противопоставление полностью нейтрализовано.

⁸ П. Дашгупта разделяет местоимения на личные третьего лица (*se*) и указательные — *e, o* и *se*, однако отмечает, что реалии бенгальского языка позволяют отказаться от противопоставления и считать их все указательными или (что с его точки зрения предпочтительнее) личными.

те А. Дакши, наглядно демонстрирующий возникающие при такой интерпретации сложности:

e āmār chele — (This) he is my son.

o āmār meye — (That) she is my daughter [14, p. 91].

Выделение местоимения *se* в разряд соотносительных, безусловно, оправдано его происхождением и становится исключительно удобным при проведении сопоставления бенгальской местоименной системы с системами других новоиндийских языков, как, например, в фундаментальном труде Г. А. Зографа [15, с. 168–169] или в статье, посвященной методам улучшения автоматического перевода с хинди на бенгальский [8, p. 129]. Однако частое употребление *se* вне относительно-соотносительных конструкций (в отличие от родственного ему местоимения *so* в языке хинди) наряду с означенными выше трудностями подводит к выводу о том, что наиболее удобным будет отказаться от попыток разделить рассматриваемые местоимения по признаку личное/указательное/соотносительное. Более оправданным представляется признать существование в бенгальском языке единого разряда лично-указательных местоимений⁹, исторически восходящих к указательным и соотносительным, но способных выполнять несколько функций.

— Собственно дейктическая (указание на близость/удаленность описываемого предмета с точки зрения его расположения в пространстве, времени или степени родства/близости к говорящему): *biśbās kartei pārbe nā ye e sei pṛthā* [3, p. 95] — «И поверить не смогут, что **это** — та самая Притха». В событийном нарративе собственно дейктическая роль лично-указательных местоимений-существительных сравнительно невелика, но количество таких употреблений заметно увеличивается в описаниях, а также текстах, изобилующих диалогами, т. е. там, где речь идет о построении картины мира, а не о выстраивании цепочки событий. В то же время указательная функция может сохраняться у местоимения в качестве фоновой или дополнительной.

— Анафорическая (средство повторной номинации упомянутого ранее референта): *māsīmār chele piklu ār rumi pṛthār bandhu. tā-rā [se-PL. NOM] ekhan katabarā haḷeche* [3, p. 95] — «Тетушкины дети Пиклу и Руми — друзья Притхи. Сейчас **они** уже совсем большие».

— Соотносительная (коррелят относительного местоимения): ... *tā bojhāte sabsamay byasta thākta ye, se āj kemaṅ cokher dīke cokh tule kathā paryanta balte pārche nā* [3, p. 97] — «...**кто** все время был занят разъяснением этого, **тот** теперь, глядя в глаза, единого слова произнести не может». *pṛthā kakhano yā bale nā tā-i balchila* [3, p. 98] — «**Что** Притха никогда не говорила, именно **то** и сказала».

— Связующая («усиленные» эмфатической частицей местоимения *ei* и *sei* могут использоваться как коннекторы): *ei to sedin śarmilār bāri giḷechila* [3, p. 94] — «**Вот так** в тот день пришла в дом Шормилы». *sei ghaniṣṭhatā šuru* [3, p. 96] — «**Вот так** и началось (их) сближение».

Перечисленные выше функции могут реализовываться индивидуально или совмещаться в рамках одного употребления, но практически всегда сохраняется возможность определить превалирующую. Наибольший интерес представляет анализ

⁹ Преимущества отказа от противопоставления личных и указательных местоимений в подобной ситуации уже были продемонстрированы, в частности, О. В. Федоровой на материале цахурского языка [16].

анафорического употребления местоимений, а именно тех факторов, которые побуждают автора сделать выбор в пользу одного из них при отсутствии (или слабой выраженности) действительной составляющей. По справедливому замечанию британской исследовательницы Х.Р.Томпсон, «описанные в Главе 5 (монографии Bengali. A Comprehensive Grammar. — Е. К.) различия между указательными местоимениями — нейтральным *se*, местоимением ближнего плана *e* и местоимением дальнего плана *o*, оказываются практически несущественными при реальном использовании языка» [11, p. 307]. Тем не менее, анализ рассказа «Однажды, когда-нибудь» позволяет выявить определенные закономерности в употреблении каждого из этих местоимений, характерные, по меньшей мере, для данного текста.

Анафорическое употребление местоимений в рассказе «Однажды, когда-нибудь»

Количество анафорических употреблений указательных местоимений-существительных (с учетом падежных форм) по отношению к различным референтам в рассматриваемом рассказе представлено в таблице.

Лично-указательные местоимения в анафорической функции
в рассказе «Однажды, когда-нибудь»

Референт Местоимение	Неодуш.	Притха	Омит (муж Притхи)	Кольпика (давняя знакомая Притхи)	Шаттоки (муж Кольпики)	Другие герои	Группа лиц, в которую входит Притха	Группа лиц без Притхи
<i>e</i>	10	0	0	0	0	0	0	3
<i>ini</i>	—*	0	0	0	0	0	0	0
<i>o</i>	1	1/2	5/6	1	2	1	0	6
<i>uni</i>	—	0	0	0	0	0	0	0
<i>se</i>	1	55/56	2/3	1	1	0	10	1
<i>tini</i>	—	0	0	0	0	1	0	0
<i>tā</i>	2/3	—	—	—	—	—	—	—

* Прочерк подразумевает невозможность заполнения ячейки в силу грамматических факторов, таких как неприменимость форм повышенной субординации к неодоушевленным предметам или носящая регулярный характер и зафиксированная в грамматиках несоотнесенность местоимения *tā* с одушевленными предметами.

Как можно заметить, местоимение *e* используется в основном для повторной номинации неодоушевленных предметов: *opare oṭhār śīrīr ye e-gulo-o* [e-PL.NOM. Inanimate-тоже] *anyatama amśa — pṛthā e-te* [e-SG.LOC] *biśbās kare* [3, p. 96] — «Что они тоже неотъемлемая часть пути вверх по лестнице — Притха в это верит». Второй случай употребления местоимения *e* в приведенном примере (*ete*) иллюстрирует совмещение анафорической функции с соотносительной: местоимение *e* указывает на все предшествующее высказывание и часто употребляется в составе главного предложения при изъяснительном придаточном в препозиции: *yabe ki yabe nā e-i* [SG.NOM-именно] *niye ekṭā dbidhāy chila pṛthā* [3, p. 96] — «Поедет или не поедет — по этому (поводу) (букв. “взяв это”) Притха пребывала в некоторой нерешимости». В таком употреблении оно конкурирует с местоимением *tā*: *kintu kena ye pṛthā eman*

hayē gela tā ke balte pārbe [3, p. 100] — «Но почему Притха стала такой — кто **это** сможет сказать?».

Использование *e* при указании на лица имеет место при совмещении других функций с анафорической; в данном рассказе такое употребление встречается лишь при постановке местоимения в форму множественного числа.

— Сохранение четко выраженного дейктического значения (например, люди, находящиеся непосредственно в поле зрения): *cāridike meye-rā* [девушка-PL.NOM. Animate] *kalkal kare galpa karche. e-rā* [e-PL.NOM. Animate] *bodhhaḡ deli-pyāseñjār* [3, p. 100] — «Со всех сторон стрекочут, болтают девушки. Они, должно быть, ежедневные пассажиры».

— Добавление эмфатического значения (особое отношение говорящего; в данной ситуации — раздражение): *puro ekghañṭā o-der* [o-PL.OBL. Animate] *eksanḡe dekhṭe dekhṭe yāoyā. kalpikāke sahya karā. er theke lokāle pacte pacte yāoyā bhāla chila. kintu ke jānta e-der* [e-PL.OBL. Animate] *saḡe dekhā hayē yābe...* [3, p. 99] — «Целый час ехать и наблюдать их вместе. Терпеть Кольпику. Чем так — лучше было толкаться в вонючей электричке. Но кто же знал, что доведется встретиться с ними (с этими)». Из приведенного примера видно, как в результате нарастания раздражения говорящего в отношении пары героев изменяется используемое для их повторной номинации местоимение (*o* -> *e*).

Местоимение *o*, напротив, используется преимущественно в отношении лиц. В единственном примере, иллюстрирующем его применение для указания на неодушевленный предмет, как и в случае с применением местоимения *e* к лицам, весомую роль играет дейктическое значение местоимения: *kabe katadīn āge or saḡe samparka cukebuke geche. tāchārā o-ṭā* [o-DEF. Inanimate] *ki ādau kichu? sab chelemānuṣi* [3, p. 99] — «Связь с ним когда еще, сколько времени назад исчерпала себя. Кроме того, разве **то** было чем-то важным? Так, детство сплошное». Выбор местоимения дальнего плана подчеркивает здесь удаленность описываемых событий во времени, служит дополнительным индикатором их незначительности и неактуальности.

Местоимение *o* служит универсальным средством повторной номинации для героев рассказа (за исключением Притхи) и группы лиц, в которую Притха не входит (Шаттоки и Кольпика): *khub bāstabbādī o* [SG.NOM] [3, p. 96] — «Он настоящий реалист» (об Омите); *sātyakīr mukhomukhi nā o-r* [o-SG.GEN] *pāṣe?* [3, p. 99] — «Напротив Шаттоки или рядом с ним?»; *o-rā-o* [o-PL.NOM. Animate-тоже] *bardhamān yābe* [3, p. 99] — «Они тоже поедут в Бордхман». Хотя традиционный индийский этикет предписывает женщине избегать произнесения имени своего супруга и даже заменять само слово «муж» местоимением «он» (вежливым *uni* или нейтральным *o*) в отсутствие прямого указания на референта, нельзя сказать, что эта тенденция последовательно реализуется в данном рассказе. При передаче размышлений Притхи о ее муже Омите автор свободно использует его имя, а Кольпика говорит о муже лишь единожды: *are o* [SG.NOM] *to ekṭā risarc prajekṭe āche* [3, p. 97] — «О, он занят в одном исследовательском проекте». Несмотря на то, что здесь действительно использовано местоимение *o*, его появление вместо имени вполне оправдано контекстуально и не может служить достаточно весомым подтверждением приверженности Кольпики традиционному способу номинации мужа.

По количеству употреблений местоимение *se* заметно опережает свои альтернативы. В данном тексте оно преимущественно используется для повторной номи-

нации главной героини, как в повествовании от лица автора, так и в мыслях самой Притхи: *khub sukhī pṛthā, khub sukhī se* [SG.NOM] [3, p. 95] — «Очень счастлива Притха, очень счастлива она»; *āścarya, tā-ke* [se-SG.ACC] *cintei pārche nā* [3, p. 97] — «Удивительно, (она) **ее** даже не узнает». Форма множественного числа этого местоимения за единичным исключением подразумевает группу лиц, в которую Притха входит: *kata kī plyān āche tār, tā-der* [se-PL.OBL.Animate] [3, p. 100] — «Сколько планов у нее, у **них**». В связи с этой особенностью относящееся к Притхе местоимение *se* может употребляться на значительном расстоянии от референта, даже за пределами абзаца, в котором он непосредственно упоминается, а также после других потенциальных референтов.

В то же время в тексте встречаются отдельные случаи употребления местоимения *se* в отношении других персонажей: Омита, Шаттоки, Кольпики, давних знакомых героини. Можно отметить, что все эти случаи соответствуют первому анафорическому упоминанию данного лица в рассказе. Возможно, в таком употреблении проявляется отмеченный как исследователями [9, p. 52], так и информантами¹⁰ более формальный характер местоимения *se*: когда герой становится более знакомым читателю, автор переходит к использованию *o*. В связи с этим показательно первое развернутое описание Омита и его взаимоотношений с Притхой: *amit cāy, khub cāy pṛthār unnati hok. <...> pṛthāke se* [SG.NOM] *e byāpāre sāhāyya nā karle pṛthā dāṛātai nā. o* [SG.NOM] *šarmilā muniyāder sbāmīder mato naḃ* [3, p. 94] — «Омит хочет, очень хочет, чтобы Притха продвигалась по службе. <...> Если бы **он** в этом деле Притхе не помог, она бы и не поднялась. **Он** не такой, как мужья какой-нибудь Шормилы или Мунии».

Использование местоимения *se* в отношении Омита в высказывании *kāche thekeo tā-r* [se-SG.GEN] *man anyadike. pṛthār mano* [3, p. 95] — «Даже когда он находится рядом — **его** сердце в другом месте. Сердце Притхи — тоже» можно объяснить двумя причинами. Во-первых, наличие наречия места *kāche* «рядом» могло удержать автора от использования местоимения *o* в связи с частичным сохранением им значения удаленности, а во-вторых, замена *tār* на *or* отразилась бы на благозвучии высказывания (два *o* подряд).

С целью номинации неодушевленных предметов местоимение-существительное *se* употреблено лишь единожды, в совокупности с собирательным местоимением *sab* «все, всё»: *se* [SG.NOM] *sab cheṛe kothāy bardhamān yāoḃā* [3, p. 95] — «Бросив **это всё**, ехать куда-то в Бордхومان». Установить принципиальное отличие описанной в этом высказывании ситуации от тех случаев, когда О. Бишшаш использует сочетание *e sab* (3 раза), не представляется возможным, ср.: *pṛthār ekebāre e* [SG.NOM] *sab pachanda naḃ* [3, p. 96] — «Притхе **это всё** совершенно не нравится».

В рассказе практически не используются формы повышенной субординации. Этот факт может объясняться как личными предпочтениями автора (количество подобных форм невелико и в других рассказах), так и спецификой сюжета и набора персонажей: все они (за исключением начальника главной героини, называемого только по имени — господин Шрибастоб, и упоминаемых вскользь ее родственников) принадлежат примерно к одному социальному и возрастному слою. Местоимение повышенной субординации — *tini* — использовано в отношении тетки Притхи

¹⁰ В роли информантов выступили культуролог Шукла Чаттерджи и филолог Шоджол Де.

(*māsimā*): *balā yāy*, *tini-i* [HON.SG.NOM] *ṛṛthāke mānuṣ karechen* [3, p. 95] — «Можно сказать, именно **она** сделала из Притхи человека».

Местоимение *tā* преимущественно употребляется в рассказе в соотносительной функции как коррелят относительного *yā* (*что*), например: *ṛṛthā kakhano yā bale nā tā-i* [SG.NOM.Inanimate-именно] *balchila* [3, p. 98] — «**Черо** Притха никогда не говорит, именно **то** и произнесла». Поскольку такое употребление вызвано спецификой синтаксиса бенгальского языка, а не закономерностями повторной номинации, эти случаи не учитываются в общей таблице. В расчет не принимались также выражения *tār opar* «сверх того» и *tārpar* «затем», а также *tār mājhe* «между тем», поскольку они, во-первых, в значительной степени лексикализовались, а во-вторых, в данном тексте не противопоставлены существующим, но (по наблюдениям) более редким в современном языке *er opar* и *erpar* соответственно. В остальных (немногочисленных) случаях *tā* используется как средство повторного указания на некоторую описанную ранее ситуацию: *ṛṛthār mukh diye beriye gela — tā* [SG.NOM.Inanimate] *to habei* [3, p. 99] — «С языка Притхи слетело: ничего удивительного (букв. “**то** ведь и будет”)».

Референциальные конфликты в рассказе

Склонность О. Бишшаш к использованию нулевой и местоименной анафоры неизбежно приводит к ситуациям, в которых может произойти гипотетический или реальный референциальный конфликт, т. е. утрата однозначной соотносительности анафорического местоимения с референтом. Также возникновению конфликтов в рассказе способствуют следующие факторы лингвистического и экстралингвистического характера:

- 1) отсутствие такого дифференцирующего маркера, как род;
- 2) неиспользование возвратных местоимений при указании на принадлежность (он рассказал ему о *его* доме, а не о *своем* доме);
- 3) совпадение форм косвенных падежей местоимений *se* и *tā*;
- 4) принадлежность большинства героев к одной социовозрастной категории неприменимость местоимений повышенной субординации.

В большинстве случаев автору удастся избежать реального конфликта за счет контекста и тема-рематических отношений. Средством снятия конфликта чаще всего выступает наличие в рассказе преобладающей темы (Притха): *sātyakir bārīr sāmnei ṛṛthār, kalpikāder iskul. du'bachar abašya se* [SG.NOM] *hāyār sekendāri paṛeche sātyakider iskule* [3, p. 98] — «Как раз напротив дома Шаттоки — школа Притхи и Кольпики. Два года-то **она**, конечно, в старших классах проучилась в школе Шаттоки». Благодаря тому, что в целом рассказ повествует о Притхе, читатель понимает, что за местоимением *se* скрывается она, а не Кольпика, хотя именно это имя непосредственно предшествует местоимению.

В высказывании *abašya kaṛek mās āge tā-r* [se-SG.GEN] *bar amito gāri kineche* [3, p. 94] — «Разумеется, несколько месяцев назад **ее** муж Омит тоже купил машину», несмотря на то, что последней упомянутой женщиной была сестра героини, местоимение *tār* можно интерпретировать однозначно благодаря наличию общей ремы (автомобиль) с предшествующим высказыванием, темой которого является компания, в которой работает Притха: *tār opar ṣolaša skoyār phuṭer phlyāṭ diyeche kompāni*.

gāri dicche [3, p. 94] — «Сверх того квартиру площадью 1600 кв футов предоставила компания. Машину дает».

Еще один способ избежать конфликта — описанная выше дифференциация местоимений *o* (не Притха) и *se* (Притха): *šarmilā tā-r* [se-SG.GEN] *kalejer sahapāṭhī. o-r* [o-SG.GEN] *šāṣuri eman kare pṛthār praśamsā karchilen ye tā-r* [se-SG.GEN] *samaḥ hale mane hata chuṭe pālāy* [3, p. 94] — «Шормила с ней (*se* => Притха) училась в колледже. Ее (*o* => Шормила) свекры так хвалили Притху, что в свое время ей (*se* => Притха) захотелось бы сбежать».

Возможно и совмещение обоих приемов: *amiter cehārā, lekhāpaṛā, byākgrāuṇḍ sabi iṛṣaṇīya. se-o* [SG.NOM-тоже] *bandhuder kāche sātamukhī bale* [3, p. 99] «Внешность, образование, происхождение Омита — всему можно позавидовать. Она тоже хвастается перед друзьями». Несмотря на близость к местоимению *se* потенциального референта *amiter*, читатель без особого труда понимает, что местоимением обозначена именно Притха. С одной стороны, здесь имеет место противопоставление местоимений (*se* => Притха)¹¹, а с другой — сопоставление с Кольпикой, которая ранее хвастается достижениями своего супруга: *sātakāhan kare sātayakir praśamsā karchila* [3, p. 98] — «Вовсю нахваливала Шаттоки». Эксплицитное противопоставление двух женщин, исключающее соотнесение местоимения *se* с Омитом, мы находим в следующем за рассматриваемой клаузой высказывании: *yeman kalpikā balche sebhābe naḥ, anek kauśale* [3, p. 99] — «Не так, как говорит Кольпика, а очень искусно».

Тем не менее, в нескольких высказываниях автору не удалось избежать конфликта. Конфликт может возникнуть, например, когда контекстуальное и местоименное маркирование входят в противоречие: *amit salṭleker dike bāri karche. pṛthār icche chila nā. o-ke* [o-SG.DAT] *to calei yete habe bambe* [3, p. 99] — «Омит строит дом в районе Солт-лейк. Притха не хотела. Ей/ему-то непременно придется ехать в Бомбей». Несмотря на очевидную близость к местоимению *o* потенциального референта «Притха», однозначно прослеживаемое на протяжении всего текста противопоставление *o* (не Притха) и *se* (Притха) заставляет задуматься о причинах выбора именно этого местоимения.

В другой ситуации спорным оказывается уже местоимение *se*: *amiter kathā mane hala. kī kṣati hata tā-r* [se-SG.GEN] *saṅge ele* [3, p. 99] — «Вспомнился Омит. Какая проблема была бы в том, чтобы поехать с ним/с ней?». Омит — ближайший кандидат на позицию референта местоимения *tār*. Однако ряд замечаний заставляет задуматься, не соотносится ли оно с Притхой:

— нехарактерность использования этого местоимения в отношении кого-либо, кроме Притхи;

— знание контекста (именно Омит не хотел ехать в Бордхман, у Притхи в этом отношении проблем (*kṣati*) не возникало);

— использование однозначно соотносимого с Притхой *se* в следующем же предложении *kalpikār saṅge eta kathāi se* [SG.NOM] *balta nā* — «Она бы не проболтала

¹¹ Справедливости ради следует отметить, что появление местоимения *o* в данном высказывании было бы невозможным по грамматическим причинам, поскольку здесь местоимение сопровождается дискурсивным словом *o* «тоже», омонимичным местоимению, а совместное употребление двух *o* в бенгальском языке невозможно. В связи с этим основной причиной разрешения референциального конфликта в данном высказывании стоит считать контекстуальную.

столько с Кольпикой» без называния референта, что было бы необходимо в случае его смены.

Однозначно интерпретировать это местоимение возможным не представляется; по мнению носителя, его референтом, скорее, можно считать Притху.

В связке *cākarikṣetret̄r bāireo tā-r [se-SG.GEN] ekhan kata sunām. kintu kalpikā sātyaki erā ki tā-r [se/tā-SG.GEN] konoa khabari rākhe nā* [3, p. 100] — «И за пределами профессиональной сферы как **ее** теперь уважают! Но Кольпика и Шаттоки... они что, **об этом/о ней** ничегошеньки не знают» возможна двойная трактовка местоимения в родительном падеже *tār*. Как и в предыдущем предложении, оно может указывать на Притху и трактоваться как форма местоимения *se*, а может и замещать все предшествующее высказывание, выступая как форма местоимения *tā*. В данном случае интерпретация не сказывается принципиально на восприятии повествования, однако при выполнении перевода может вызвать затруднения.

Некоторые выводы

Проведенный анализ анафорического употребления местоимений *se*, *e*, *o* и *tā* в современном бенгальском рассказе позволяет сформулировать следующие предварительные выводы:

1. Группу бенгальских местоимений-существительных, выполняющую роль личных (3-го лица), указательных и соотносительных, нецелесообразно разбивать на несколько разрядов, поскольку выбор той или иной функции бывает обусловлен контекстом и зачастую в дискурсе местоимение сохраняет несколько функций при превалировании одной.

2. При анафорическом употреблении местоимения сохраняют дейктическое значение в разной степени; в местоимении *e* оно выражено наиболее сильно. Кроме того, это местоимение оказывается наиболее маркированным: оно соотносится либо с неодушевленными предметами, либо с лицами, дополнительной характеристикой которых будет близкое расположение в пространстве или времени или особое (чаще негативное) отношение к ним говорящего. Эти особенности местоимения *e* уже отмечались в исследованиях по грамматике бенгальского языка [11, p. 307] и нашли подтверждение в рассматриваемом рассказе.

3. Местоимение *o* используется по большей части в отношении лиц; при самостоятельном употреблении его дейктическое значение заметно ослаблено и проявляется, в основном, когда оно указывает на неодушевленные предметы.

4. Для местоимения-существительного *se* анафорическая функция является основной. П. Дашгупто называет его указательным местоимением-секвентом и поясняет: «...термин “секвент” отражает тот факт, что это указательные местоимения-последователи, не указывающие на предметы внешнего мира, а отсылающие нас к первому упоминанию чего-либо в предложении или в дискурсе» [13, с. 367]. При соотносении с не-лицами оно, как и местоимение *tā*, указывает, скорее, на некоторую сложившуюся и описанную ситуацию, а не на конкретный предмет. Эти местоимения могут выступать в собственно соотносительной роли (при наличии в предложении относительного местоимения) или сохранять соотносительное значение как дополнительное.

Возможно, подмеченная исследователями неориентированность *se* на предметы внешнего мира послужила одной из причин последовательного различения в рассказе местоимений *se* и *o* по признаку соотнесенности с главной героиней (Притха — *se*; ее окружение — *o*). Также дифференциация могла стать следствием стремления избежать референциальных конфликтов, неизбежно возникающих в силу специфики бенгальской системы местоимений, однако более основательные выводы по данному вопросу можно будет получить лишь на основании сопоставления сделанных наблюдений с результатами исследования более широкого спектра текстов.

Литература

1. Fox B. A. (ed.) *Studies in Anaphora*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1996. 518 p.
2. Lust B. C., Wali K., Gair J. W., Subbarao K. V. (ed.) *Lexical Anaphors and Pronouns in Selected South Asian Languages: A Principled Typology*. De Gruyter; Mouton, 2000. 904 p.
3. *Biśbās* A. Ekdin, Konodin // *Ahanār galpa*. Kalkātā, 2006. P.94–100.
4. Chatterji S. K. *A Bengali Phonetic Reader*. London, 1928. 138 p.
5. Бькова Е. М. Бенгальский язык. М.: Наука, 1966. 141 с.
6. Языки мира. Новые индоарийские языки / ред. колл.: Т. И. Оранская, Ю. В. Мазурова, А. А. Кибрик, Л. И. Куликов, А. Ю. Русаков. М.: Academia, 2011. 896 с.
7. *Hak M. Śabdaśreṇi* // R. Islām, P. Sarkār (eds.) *Bāṅglā ekāḍemi pramit Bāṅglā bhāṣār byākaraṇ*. Dhākā: Bāṅglā ekāḍemi, 2011. Vol. 1. P. 162–193.
8. Chatterji S., Sarkar S., Basu A. Translations of Ambiguous Hindi Pronouns to Possible Bengali Pronouns // *Proceedings of the 10th Workshop on Asian Language Resources / Ruvan Weerasinghe, Sarmad Hussain, Virach Sornlertlamvanich and Rachel Edita O. Roxas (eds.)*. Mumbai. Revised preprint edition. 2012. P.125–134.
9. Radice W. *Teach yourself Bengali*. London: Hodder Headline Ltd, 2003. 340 p.
10. Tunga S. S. *Bengali and Other Related Dialects of South Assam*. New Delhi: Mittal Publications, 1995. 374 p.
11. Thompson H. R. *Bengali. A comprehensive grammar*. 1st ed. Amsterdam: John Benjamin's Publishing Co, 2010. 800 p.
12. Zbavitel D. *Lehrbuch des Bengalischen*. Heidelberg: J. Groos, 1970. 172 p.
13. Dasgupta P. *Bangla* // D. Jain, G. Cardona (eds.). *Indo-Aryan languages*. Abingdon, New York: Routledge, 2007. P.386–428.
14. Dakshi A. *A practical Bengali grammar for language learners*. Kolkata: Sanskrit Pustak Bhandar, 2006. 256 p.
15. Зограф Г. А. Морфологический строй новых индоарийских языков (опыт структурно-типологического анализа). М.: Наука, 1976. 368 с.
16. Федорова О. В. Текстовая анафора: сочетание статистического и когнитивного подходов (на материале цахурского языка) // *Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. 2000. Т. 1. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/archive/2000/?year=2000&vol=22724&id=6376> (дата обращения: 09.08.2014).

Статья поступила в редакцию 16 февраля 2015 г.

Контактная информация

Костина Екатерина Александровна — старший преподаватель; helkari@mail.ru

Kostina Ekaterina A. — Senior Lecturer; helkari@mail.ru